

DOI: 10.31857/S086919080007568-1

ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИИ ФРГ НА СИРИЙСКОМ НАПРАВЛЕНИИ:
ПОЛИТИКО-ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ

© 2019

В. С. МИРЗЕХАНОВ ^a, Ф. О. ТРУНОВ ^b^{a-b} – Институт всеобщей истории РАН;^{a-b} – ИНИОН РАН, Москва, Россия^a – lum62@yandex.ru^b – ORCID: 0000-0001-7092-4864; ltrunov@mail.ru

Резюме: Сирийский конфликт оказал неизмеримо большее влияние на решение вопросов безопасности в ФРГ, нежели иные вооруженные противостояния в странах Азии и Африки. В 2010-х гг. ключевыми угрозами нестабильности, исходившими с территории Сирийской Арабской Республики (САР), являлись массовая неконтролируемая миграция в ФРГ и в ее государства-партнеры по ЕС, а также рост террористической активности. При этом возможности Германии по сохранению и тем более упрочению своих позиций на Ближнем и Среднем Востоке во многом определяются степенью ее влияния на ход урегулирования вооруженного конфликта в Сирии. Задачей статьи является анализ эволюции позиции ФРГ по решению «сирийского вопроса». В фокусе внимания авторов – поочередная смена позитивных (укрепление позиций в Сирии в связке с превращением ее в «зону безопасности» в относительной близости от границ ЕС) и негативных (борьба с реально исходящими с территории САР угрозами) целей политики ФРГ, их детерминированность. Хронологически процесс трансформации целей разделен на три периода (2012–2014 гг.; 2015–2017 гг. и с 2018 г. по н/в), границы которых обусловлены существенными изменениями обстановки внутри Сирии.

Подход Германии к использованию военного инструментария определяется концепцией «стратегической сдержанности». Официальный Берлин последовательно отказывается от боевого применения бундесвера. В случае Сирии это во многом объясняется сохранившейся дееспособностью «старой» власти в Дамаске, критикуемой ФРГ, а также неготовностью допустить риск столкновений с действующими в САР войсками РФ и Ирана. В политико-дипломатической плоскости Германия, с одной стороны, последовательно оказывает широкую поддержку «умеренной» оппозиции. С другой, – официальный Берлин во все большей степени вынужден учитывать подходы не только западных партнеров во главе с США и «особую позицию» Турции, но и интересы коалиции «САР – РФ – ИРИ».

Ключевые слова: Германия, Ближний Восток, Сирия, вооруженный конфликт, угрозы безопасности, урегулирование.

Для цитирования: Мирзеханов В.С., Трунов Ф.О. Эволюция стратегии ФРГ на сирийском направлении: политико-военные аспекты. *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 207–218. DOI: 10.31857/S086919080007568-1

THE EVOLUTION OF GERMAN STRATEGY TOWARDS
THE SYRIAN DIRECTION: POLITICAL-MILITARY ASPECTS

© 2019

Velikhan S. MIRZEKhanov ^a, Philipp O. TRUNOV ^b^{a-b} – Institute of World History, Moscow, Russia;^{a-b} – Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), RAS, Moscow, Russia^a – lum62@yandex.ru^b – ORCID: 0000-0001-7092-4864; ltrunov@mail.ru

Abstract: In modern realities, the Syrian conflict has had an immeasurably greater impact on the security of Germany than other armed conflicts in Asian and African states. In the 2010s, the key threats of instability emanating from the territory of the Syrian Arab Republic (SAR) were mass uncontrolled migration to Germany and its EU partner states, as well as the growth of terrorist activity. At the same time,

Germany's ability to maintain and even more so to strengthen its positions in the Near East is largely determined by the degree of its influence on the resolution of the armed conflict in Syria. The aim of the article is to consider the evolution of the German position regarding the solution of the "Syrian question" in the political and military context. The focus of attention is on the alternate change between the positive (strengthening of positions in Syria in conjunction with its transformation into a "security zone" in relative proximity to the EU borders) and negative (repelling real threats coming from the territory of the SAR) policy objectives of Germany, their determination. The article is divided chronologically, into three periods (2012–2014, 2015–2017 and since 2018). Their boundaries are determined by the significant changes in the situation in Syria.

The paper notes that German approach to the usage of its military power bases on the concept of "strategic restraint". It means that Germany refuses the combat use of Bundeswehr principally and also refuses any forms of troops' ground usage. These features of German troops' usage in Syrian case are determined by the survivability of the "old" Syrian government criticized by Germany as well as Germany's unwillingness to take the risk of collisions with the Russian and Iranian armed forces operating in Syria. In diplomatic sphere, Germany, on the one hand, consistently supports the "moderate" opposition. On the other hand, Germany is increasingly compelled to take into account the approaches of not only Western partners led by the USA and, also, Turkey's "special position" but also the interests of the coalition of the Syrian government – Russia – Iran. In the conclusion, the authors cover the strategic dilemma of German strategy towards Syria and shows the potential way of its overcoming.

Keywords: Germany, Middle East, Syria, armed conflict, security challenges, resolution.

For citation: Mirzekhanov V.S., Trunov Ph.O. The Evolution of German Strategy towards the Syrian Direction: Political-Military Aspects. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 6. Pp. 207–218. DOI: 10.31857/S086919080007568-1

Вооруженный конфликт в Сирии имеет для Германии двоякое значение. Участие в его урегулировании, особенно на начальных (до 2015 г.) стадиях, рассматривалось ФРГ как «окно возможностей» для полноценного встраивания – в качестве значимого внешнего игрока – в региональную подсистему Ближнего и Среднего Востока (БСВ). Эта схема с 1990-х гг. реализовывалась Германией на Балканах, где ФРГ оказалась одним из архитекторов формировавшегося постюгославского пространства, и с 2002 г. – в Афганистане, однако, как выяснилось к середине 2010-х гг., с существенно меньшим успехом.

На ближневосточном направлении первой фазой попыток ФРГ встроиться в региональную подсистему следует признать политико-дипломатическое участие – с середины 1990-х гг. – в урегулировании арабо-израильского конфликта. В качестве основы для его успешного осуществления Германия последовательно рассматривала принципы создания двух государств (не только Израиля, но и Палестины) с эффективно действующими системами власти [*Der Nahostkonflikt*, 2018] и соблюдения территориальной целостности мусульманских стран – соседей официального Тель-Авива. Лишь поэтапная реализация этих задач (несмотря на срыв переговорных процессов «Осло-1» и «Осло-2» в 1990-е гг. и «дорожной карты» ближневосточного квартета в 2003 г.) могла обеспечить безопасное существование Израиля, за который Германия несла особую историческую ответственность – прежде всего из-за холокоста [*Ibid.*].

Вскоре после завершения 33-дневной войны на юге Ливана (2006 г.), сторонами которой де-факто выступили Израиль и движение «Хезболла», правительство ФРГ направило в состав развернутой в зоне конфликта миротворческой миссии ООН – UNIFIL крупный контингент (с «потолком» в 2.4 тыс. военнослужащих). Вклад бундесвера в дело снятия морской блокады Ливана (т.е. в восстановление пассажирского и транспортного морского сообщения) и в воссоздание сил береговой охраны правительственных войск страны [*Antrag... Drucksache 16/6278*, 2007, S. 4–7] должен был продемонстрировать готовность и способность ФРГ играть роль регионального миротворца. Восстановление

боеспособности (в том числе благодаря техническому переоснащению радарными и катерами, переданными Германией) [*Einsatz der Bundeswehr...*, 2019] береговых войск Ливана оказалось весьма важным для обеспечения безопасности самой ФРГ: эти силы стали одним из барьеров, преграждающих путь потокам беженцев из зоны сирийско-иракского конфликта с середины 2010-х гг. Иллюстрацией важности этой задачи для ЕС является запуск (с 2015 г.) профильной операции «София» в Средиземном море; ее результат во многом определяется эффективностью действий именно ливанских сил охраны побережья, реорганизованных при ведущем участии ФРГ.

Сирия в не меньшей степени, чем Ливан, ценна для Германии и ее партнеров по ЕС как потенциальная «буферная зона», способная абсорбировать проецируемые извне угрозы безопасности – из более отдаленных государств Ближнего и Среднего Востока (БСВ). Страны – участницы Европейского союза стали особенно чувствительными к ним с середины 2000-х гг. вследствие расширения на балканские государства структур Евро-Атлантического сообщества, т.е. приближения его в географическом плане к БСВ. САР была важна и как потенциальная площадка для привития на ее политической почве (особенно с учетом проживания в стране к началу конфликта большого числа христиан) западных демократических принципов и правил. Теоретическую возможность для подобной трансформации САР открывал конфликт между «умеренной» оппозицией и правительством страны во главе с Башаром Асадом, сразу же (с весны 2011 г.) приобретший силовые формы. С юридической точки зрения «точкой невозврата» в сближении «новой Сирии» с Евро-Атлантическим сообществом должно было стать заключение первого соглашения об ассоциации и стабилизации с ЕС, что легализовало бы разноплановое (политическое, экономическое, военное) присутствие западных стран на сирийской территории. В выстраиваемой ФРГ стратегической линии по решению «сирийского вопроса» указанные позитивные цели преобладали на первом этапе развития вооруженного конфликта (до 2015 г.).

С 2015 г., особенно с началом тесно связанных миграционного кризиса и роста активности террористических структур, на первый план стали выходить уже негативные задачи – сдерживания и по возможности снижения масштабных угроз нестабильности, исходящих с территории Сирии. Вместо «буферной зоны» в условиях стремительной радикализации антиправительственного лагеря, в котором стали преобладать «Исламское государство» (ИГ)¹ и «Джебхат Ан-Нусра», САР превратилась для Германии и ее партнеров в очаг нестабильности. Впервые с начала 1990-х гг., т.е. после окончания холодной войны, ФРГ оказалась поставленной в оборонительное положение. Из субъекта, последовательно наращивавшего на протяжении более чем двух десятилетий свое участие в осуществлении международного конфликтного (кризисного) урегулирования, Германия сама превратилась в объект для проецирования идущих извне угроз нестабильности, что стало фоном для второго этапа формирования политики ФРГ по отношению к САР (2015–2017).

Ситуация стала меняться на рубеже 2018–2019 гг. Серьезные успехи, достигнутые к этому времени коалицией «САР – РФ – ИРИ» (при авангардной роли ВКС России) в борьбе с ИГ и дружественными ему группировками, актуализировали вопрос о политических перспективах Сирии, вставшей на путь стабилизации. Это вновь открыло «окно возможностей» для активизации ФРГ в деле урегулирования и соответственно обеспечения своего долгосрочного присутствия в стране и в регионе БСВ в целом.

Задача данной статьи – исследовать позицию ФРГ по решению «сирийской проблемы» в политико-военной плоскости. Тематика развития ситуации в САР находилась под пристальным вниманием широкого круга отечественных исследователей [Наумкин, 2014;

¹ Запрещенная в России террористическая организация.

Сапронова, 2013]. Список первоочередных сюжетов для изучения включал различные аспекты политики РФ на сирийском направлении (прежде всего связанные с использованием межвидовой группировки, основу которой составляли ВКС), особенностей ее взаимоотношений с США и II западной антитеррористической коалицией. На этом фоне отечественными учеными еще не было подготовлено отдельной работы по эволюции линии ФРГ в отношении «сирийской проблемы». В свою очередь, западные, прежде всего германские, исследователи активно изучали сирийскую политику официального Берлина. Однако в основном внимание представителей зарубежного экспертного сообщества было сосредоточено на анализе «узких» [Die Kurden..., 2018; Steinberg, 2016] и даже точечных сюжетов или кратких (несколько месяцев) временных отрезков, т.е. не охватывали ни длительную (3–5 лет), ни средне- или долгосрочную перспективу. В данной статье делается попытка восполнить этот пробел. Главным методом исследования избран инвент-анализ, т.е. изучение направленности, содержания и последствий значимых военных и политико-дипломатических шагов, предпринятых ФРГ на сирийском направлении.

ПЕРВЫЙ ЭТАП: НЕОРДИНАРНОСТЬ СИРИЙСКОГО СЦЕНАРИЯ КОНФЛИКТА

Реальную активность на сирийском направлении официальный Берлин начал проявлять в 2012 г.: до этого его внимание было сфокусировано на переходе в благоприятное для Запада состояние (свержение режима Муаммара Каддафи) ливийского вооруженного конфликта. Именно отработанная в Ливии схема внешнеполитических действий ФРГ, как показала практика, должна была лечь в основу ее сирийской политики, важным компонентом которой стало оказание разнообразной поддержки «умеренной» оппозиции в тесной связке с попытками делегитимизации действующих сирийских властей.

В 2012 г. Германия в одностороннем порядке отозвала посла из Сирийской Арабской Республики и закрыла свое посольство в стране. Защита интересов германских граждан на территории САР доверялась посольству ФРГ в Ливане – партнере Федеративной Республики с момента начала ее участия в операции UNIFIL (2006). Однако официальный Дамаск не пошел на симметричный шаг: существенно сократив численность персонала, он сохранил свое посольство в ФРГ [*Kleine Anfrage... Drucksache 19/11332*, 2019, S. 1]. То есть можно говорить о частичном разрыве дипломатических отношений и об их фактической «заморозке» по инициативе ФРГ.

В 2012 г. Германия стала одним из инициаторов создания Группы друзей Сирии (ГДС) – международной площадки для выражения разноплановой (в первую очередь политической) поддержки «умеренной» оппозиции. Ключевым партнером стран – участниц ГДС является Национальная коалиция сирийских революционных и оппозиционных сил (НКСРОС), признанная ФРГ единственным легитимным представителем народа Сирии [*Antwort... Drucksache 19/7562*, 2019, S. 1]. Главным органом оказания Группой друзей Сирии экономической помощи НКСРОС выступает целевой Фонд восстановления Сирии (Syria Recovery Trust Fund). Являясь одним из его доноров, Германия активно участвует в реконструкции значимых социальных, сельскохозяйственных и промышленных объектов – в основном на территориях, подконтрольных «умеренной» оппозиции [*Entschließungsantrag... Drucksache 19/5080*, 2018, S. 2–3].

На этом фоне интересна динамика российско-германских контактов в 2012–2013 гг. по вопросам сирийского кризиса. С одной стороны, на полях саммита G8 в Лох-Эрне (июнь 2013 г.) ФРГ в лице канцлера Ангелы Меркель признала невозможность урегулирования «сирийского вопроса» без учета позиции РФ. Президенту В.В. Путину удалось добиться того, чтобы в итоговом коммюнике по итогам саммита не содержалось жесткой критики официального Дамаска [Сапронова, 2013, с. 1–3]. С другой стороны, официальный Берлин стремился убедить РФ в необходимости делегитимизации президента Ба-

шара Асада и его ухода с поста главы САР. В 2012–2013 гг. площадка ГДС активно использовалась для этого. «Ядро» стран – участниц Группы к середине 2010-х гг. образовывали 11 стран: наиболее крупные члены НАТО (США, Великобритания, Германия, Франция, Италия и Турция), Египет, Иордания и влиятельные монархии Аравийского полуострова (Королевство Саудовская Аравия, ОАЭ и Катар). Именно в этом составе «Группа друзей Сирии» в середине мая 2014 г. сочла нелегитимными планировавшиеся к проведению 3 июня выборы президента САР, де-факто призвав к их бойкоту [*«Друзья Сирии»...*, 2014]. Однако выборы состоялись и завершились убедительной победой (свыше 88%) президента Асада.

Сохранение сирийским руководством власти, хотя и в урезанном виде, отличало развитие событий в САР от ситуаций, сложившихся в начале 2010-х гг. в Ливии (где был свергнут режим Каддафи, а сам он был убит) и в Мали (с 2013 г.), где Германия не только политически поддерживала, но и оказывала материальную помощь переходному правительству, пришедшему к власти в результате военного переворота. Главными факторами, определившими позицию ФРГ по регулированию малийского кризиса, стали две масштабные угрозы: неконтролируемой миграции и возрастания мощи террористических структур («Аль-Каиды в Исламском Магрибе» и «Ансар Ад-Дин»), которые могли превратить территорию Мали в огромный очаг нестабильности [*Antrag... Drucksache 18/437*, 2014, S. 4–8].

В 2012–2013 гг. военные меры, принимавшиеся ФРГ для купирования угроз нестабильности, исходивших с сирийской территории, были достаточно ограниченными. По просьбе Турции и с учетом положительной реакции НАТО на эту просьбу Германия – совместно с Нидерландами и США – развернула группировку ПВО/ПРО в составе двух команд систем «Patriot» (4 батареи с численностью в 260 военнослужащих). В январе 2013 г. эти силы были дислоцированы вблизи турецко-сирийской границы с задачей сбивать боевые воздушные объекты (прежде всего ракеты), летевшие с территории САР [*Türkei – AF TUR...*, 2016]. Данное развертывание имело оборонительный характер и должно было воспрепятствовать втягиванию НАТО в сирийский конфликт под предлогом его эскалации на территорию Турции.

21 августа 2013 г. в СМИ ряда арабских и западных государств – членов ГДС правительство Сирии было бездоказательно обвинено в применении химического оружия против мирного населения. Администрация Барака Обамы призвала к проведению военной воздушной операции против правительственных войск САР, но эта инициатива не встретила единодушной поддержки стран – участниц НАТО. Так, парламент Великобритании отказал кабинету Дэвида Кэмерона в использовании в Сирии королевских войск [*Syria and the use...*, 2013]. Правительство Германии высказалось последним из ведущих стран Альянса, причем А. Меркель заявила, что проведение операции возможно лишь в случае одобрения ее Советом Безопасности ООН (что представлялось нереалистичным из-за позиции РФ и КНР), Европейским союзом или НАТО [*Rede von Bundeskanzlerin...*, 2013]. Фактически Германия исключила боевое использование бундесвера, но положительно отнеслась к выдвинутой В.В. Путиным 9 сентября 2013 г. идее уничтожения – под международным контролем – запасов химического оружия массового поражения (ОМП), находившегося в распоряжении официального Дамаска [*Комментарий президента...*, 2013]. Более того, ФРГ внесла финансовый и технический вклад в реализацию этой инициативы, несмотря на резкое ухудшение с апреля 2014 г. (в связи с украинскими событиями) отношений с РФ.

Таким образом, уже на первом этапе ФРГ выступила против вовлечения НАТО в боевые действия в САР. Чем определялась данная позиция? С начала XXI в. официальный Берлин демонстрировал приверженность концепции «стратегической сдержанности», т.е. обдуманного отношения к применению военного потенциала. Следование этому прин-

ципу прослеживается на примере подхода ФРГ к использованию бундесвера вне зоны ответственности НАТО. С одной стороны, в 1990-е и в начале 2010-х гг. Германия последовательно наращивала объемы и расширяла географический спектр использования своих военнослужащих в операциях по миротворчеству и поддержанию мира, с другой – избегала участия в боевых действиях (по данному вопросу наблюдался широкий консенсус основных политических партий Германии). Так, в 2003 г. правительство Г. Шрёдера/Й. Фишера отказалось предоставить не только военную, но и политическую поддержку США при подготовке и осуществлении вторжения в Ирак. В результате Белый дом был вынужден обратиться к формату «коалиции желающих» вместо использования НАТО для проведения операции. В 2011 г. кабинет А. Меркель/Г. Вестервелле (блок ХДС/ХСС и СвДП) не стал блокировать использование механизма Североатлантического альянса для проведения военно-воздушной операции в Ливии, но исключил боевое применение в ней бундесвера [Арзаманова, 2011, с. 11–13].

В случае САР позиция ФРГ оставалась аналогичной: официальный Берлин отказался от прямого военного вмешательства в конфликт, ограничившись осуждением официального Дамаска. Интересно, что в октябре 2015 г. правительство ФРГ и Бундестаг приняли решение о досрочном выводе своей группировки ПВО/ПРО из Турции [*Türkei – AF TUR...*, 2016]: из-за сдержанной позиции официальной Анкары в борьбе с ИГ и высокой вероятности перехода исламистами турецко-сирийской границы небольшой и не предназначенный для ведения наземных боевых действий германский контингент мог подвергнуться атакам террористов, что существенно осложнило бы ситуацию для официального Берлина.

ВТОРОЙ ЭТАП:

ОПОСРЕДОВАННАЯ БОРЬБА С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ В САР

Принцип «стратегической сдержанности» определял подход ФРГ к использованию военного инструментария на сирийском направлении даже в условиях возникновения для ЕС двух тесно связанных угроз: масштабного миграционного кризиса и резкой активизации террористов в странах – членах Евросоюза. Так, в первый год существования созданной в 2014 г. по инициативе США II западной антитеррористической коалиции для борьбы с ИГ Германия в основном ограничивалась выражением политической поддержки. Лишь трагические события 13 ноября 2015 г. в Париже поставили вопрос о присоединении ФРГ к деятельности коалиции. В результате дискуссий, состоявшихся 2 и 4 декабря 2015 г., Бундестаг одобрил применение бундесвера в рамках операции «Inherit Resolve» (для борьбы с ИГ) на сирийском и иракском театрах военных действий (ТВД) в следующих формах:

- осуществление космической и воздушной разведки (в интересах всей коалиции);
- заправка в воздухе боевых самолетов партнеров по коалиции (прежде всего ВВС Франции);
- сопровождение авианосной группы в Средиземном море фрегатами и корветами;
- выделение офицеров в состав штабов сил коалиции. Общий «потолок» контингента – 1.2 тыс. военнослужащих [*Rede von Ursula...*, 2015] (в действительности эта цифра была существенно ниже).

Параллельно в декабре 2014 г. на севере Ирака – в районе г. Эрбиль – по решению ЕС была развернута военно-тренировочная миссия бундесвера, осуществлявшая обучение новобранцев и переподготовку более опытных бойцов как отрядов курдской самообороны (пешмерга), так и иракской правительственной армии. И курдам, и иракской армии поставлялись оружие, боеприпасы и предметы военного снаряжения [*Antrag...*, Drucksache 19/1093, 2018, S. 4–6]. Таким образом ФРГ обеспечивала не только координа-

цию действий пешмерга и правительственных иракских войск в борьбе с ИГ, но и сохранение территориальной целостности Ирака, оказавшегося под угрозой распада.

Примечательно, что, присоединяясь к операции «Inherit Resolve», ФРГ рассматривала в качестве своего главного партнера Францию, а не США: это продемонстрировало (на фоне активизации с осени 2015 г. германо-французского тандема в Мали) неготовность Берлина безоговорочно следовать в антитеррористической сфере в фарватере Соединенных Штатов, как это было в начале 2000-х гг. В этой связи также примечательно, что НАТО как организация не была вовлечена в деятельность II западной антитеррористической коалиции (в отличие от ее формально руководящей роли в деятельности I коалиции в Афганистане). Представляется, что сыграла свою роль «сдержанность» ФРГ относительно характера операций на иракском, и особенно сирийском, ТВД.

Ни на сирийском, ни на иракском направлении бундесвер не должен был использоваться в боевых, особенно наземных, операциях и выполнял лишь вспомогательные функции. Представляется, что на стремление Берлина реализовать принцип «стратегической сдержанности» повлияло нежелание допустить возможность столкновений с группировкой войск РФ, 30 сентября 2015 г. начавшей боевые действия против ИГ. Соответственно Германия стремилась избежать военного противостояния и войскам, лояльным официальному Дамаску, и воюющим на их стороне частям Корпуса стражей исламской революции (КСИР) ИРИ.

Интересно, что ограниченные по своему масштабу и характеру военные усилия Германии сосредоточила в основном на иракском направлении, где коалиция «САР – РФ – ИРИ» не вела боевых действий с ИГ (в том числе из-за учитывавшейся Багдадом позиции западной коалиции по этому вопросу). В воздушном пространстве Сирии преимущественно совершались вылеты разведывательных подразделений люфтваффе. Изначально (с зимы 2015/2016 г.) они базировались на военной базе НАТО «Инджирлик» – на турецкой территории, что свидетельствовало о потеплении в тот момент в отношениях между Берлином и Анкарой. Однако уже летом 2017 г. контакты между Германией и Турцией вновь вступили в кризисную фазу в ответ на отказ правительства Реджепа Тайипа Эрдогана позволить группе депутатов Бундестага совершить инспекционный визит в расположение отрядов бундесвера на базе «Инджирлик». В результате германские парламентарии проголосовали за досрочный полный вывод с этой базы подразделений люфтваффе (в том числе обслуживающего персонала), которые в июне 2017 г. начали перемещаться на базу «Аль-Ашрак» в Иордании [*Parlamentsbeteiligung beim...*, 2017]; произошло сближение в отношениях между Берлином и официальным Амманом.

Миграционный кризис и рост террористической активности на территории ЕС спровоцировали возникновение среди немцев недовольства действиями руководства Германии, в том числе канцлера А. Меркель, на сирийском направлении. Результатом этого стало прохождение в Бундестаг по итогам сентябрьских выборов 2017 г. крайне правой партии «Альтернатива для Германии» (набрала 12.6 % голосов, получив 94 мандата) – прежде всего за счет ослабления традиционных партий. Так, блок ХДС/ХСС набрал лишь 32.9 % и получил 246 депутатских мест (на выборах 2013 г. – 41.5 % и 311 мест); СДПГ – 20.5% и 153 места (четырьмя годами ранее – 25.7 % и 193 места) [*Ergebnisse der Bundestagswahlen*, 2019]. Соответственно неудачи в урегулировании сирийского конфликта привели к ограничению «свободы маневра» для нового кабинета, созданного в марте 2018 г.

Осознавая неэффективность военных мер, федеральное правительство еще в 2015–2016 гг. пыталось компенсировать их дипломатической активностью. Как на полях ГДС, так и самостоятельно Берлин сделал более частыми встречи с руководством Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил [*Syrien-Diplomatie...*, 2016]. В 2016 г. в Берлине было открыто представительство НКСРОС [*Antwort... Druck-*

sache 19/7562, 2019, S. 1, 6–7]. Хотя сотрудники этой структуры не имели дипломатического иммунитета, офис выполнял функции посольства. В середине 2010-х гг. НКСРОС состояла из 15 небольших политических партий и движений, в основном выражавших интересы суннитского арабского населения САР [Ibid., S. 2]. Германское руководство подчеркивало, что НКСРОС выступает за отстранение Башара Асада и за политическую трансформацию Сирии, нацеленную на соблюдение прав человека и уважение интересов национальных и религиозных меньшинств [Ibid., S. 4–6].

По информации, собранной официальным Берлином, вооруженные формирования НКСРОС, прежде всего Свободная сирийская армия (ССА), контролировали территории, на которых проживало до 30% населения САР. Однако в своих ответах на запросы депутатов правительство ФРГ стремилось избегать конкретизации состава ССА [Antwort..., Drucksache 19/7562, 2019], что объяснялось тесными связями полевых командиров этой организации с террористическими группировками, в том числе с «Джебхат ан-Нусрой». Отделение – в политическом и военном отношении – ССА от террористических структур и защита формирований «умеренной» оппозиции от атак правительственных войск становились все более важными для ФРГ в связи с успехами коалиции «САР – РФ – ИРИ», достигнутыми при освобождении Алеппо (лето–осень 2016 г.), и из-за возникновения «проблемы Идлиба» (2018).

ТРЕТИЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ СИРИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ФРГ

К 2018 г. благодаря действиям коалиции «САР – РФ – ИРИ», в результате которых произошло ослабление ИГ и (в меньшей степени) «Джабхат Фатх аш-Шам»², ситуация в Сирии заметно изменилась. С одной стороны, это снизило вероятность нового миграционного кризиса и активизации террористов на территориях стран ЕС³; соответственно перед ФРГ возникла проблема выработки новой стратегии урегулирования сирийского кризиса. Основной целью ФРГ стало укрепление ее влияния в САР с опорой на «умеренную» оппозицию и на курдов на севере страны. С другой стороны, Россия и Иран, запустившие «Астанинский процесс» и сформировавшие тактическое партнерство с Турцией, начали играть определяющую роль в урегулировании сирийского конфликта.

Страны Запада, прежде всего США, предприняли попытки «перехватить победу» над ИГ (в том числе распространяя «фейковые новости» о вкладе Соединенных Штатов в это дело). В январе 2019 г. Дональд Трамп принял внезапное для американского истеблишмента решение о полном выводе группировки войск США с сирийского ТВД. Отчасти это решение было обусловлено отсутствием законных оснований для сохранения американского вооруженного контингента на сирийской территории, откуда в результате были выведены 2 тыс. и когда «в миротворческих целях» на северо-востоке страны, т.е. в формально контролируемой курдами зоне, остались 400 военнослужащих [In Latest Shift..., 2019]. Таким образом Белый дом вновь реализовал формулу «уйти, чтобы остаться» – в стремлении зеркально отреагировать на действия РФ, которая, начиная с марта 2016 г., вывела значительную часть своей группировки, продолжая оставшимися силами наносить удары по позициям незаконных формирований. Де-юре и де-факто российская сторона обладает существенными преимуществами перед США, сотрудничая с сирийскими властями и Ираном и используя на законных основаниях военные объекты в Тартусе и Хмеймиме.

² В 2016 г. группировка «Джебхат ан-Нусра» сменила название на «Джабхат Фатх аш-Шам». – Прим. авт.

³ В отличие от миграционного кризиса степень вероятности и активизация террористов в ЕС не находятся в прямой зависимости от стабилизации ситуации в САР. Причины тому – наличие «спящих» ячеек ИГ и возможность возвращения граждан государств – членов ЕС, воевавших на стороне незаконных формирований, в страны исхода. – Прим. авт.

В большей степени, чем на США, совокупность перечисленных факторов оказывает влияние на Германию, которая продолжала последовательно придерживаться концепции «стратегической сдержанности». Следует отметить, что в условиях ослабления ИГ партнеры ФРГ по ГДС, главным образом США, начали призывать к военному давлению на правительство Башара Асада. Обвинив его в применении ОМП против мирного населения, 14 апреля 2018 г. американские ВВС нанесли воздушные удары по позициям сирийской армии и призвали партнеров по НАТО поддержать подобные действия. Призывы США вызвал оживленную дискуссию в Бундестаге, аналитическая служба которого указала, что проведение акций, подобных апрельской, противоречит нормам международного права [*Rechtsfragen einer...*, 2018, S. 5] и положениям Основного закона ФРГ (ст. 24–26) [*Ibid.*, S. 8]. Соответственно, вновь была отвергнута идея боевого использования бундесвера в Сирии.

Заметно сократив свой контингент в северо-восточных районах Сирии, где действовали курдские силы самообороны, в июне 2019 г. администрация Д. Трампа обратилась к правительству ФРГ с просьбой направить туда сухопутный контингент. Однако кабинет А. Меркель отверг предложение заменить войска США подразделениями бундесвера [*Kampf gegen...*, 2019]: Германия вовсе не стремилась быть втянутой в вооруженные столкновения с турецкой армией, проводившей операции по подавлению курдских сил самообороны на севере Сирии и Ирака.

ФРГ продолжала оказывать военную поддержку курдам, в первую очередь иракским, осуществляя их военную подготовку в районе Эрбиля и поставляя им легкое и противотанковое оружие. Последнее применялось с 2018 г. в районе Африна и на севере Сирии против турецких войск, использовавших бронетехнику, приобретенную у ФРГ в 2000–2010-е гг.

Официальный визит в Берлин 28 сентября 2018 г. Р.Т. Эрдогана, переговоры которого с федеральным президентом Ф.-В. Штайнмайером и с А. Меркель были весьма напряженными, привел лишь к частичной «разрядке» напряженности в двусторонних отношениях [*Gemeinsames Interesse...*, 2018]. Впрочем, германское руководство довольно успешно использовало встречу для налаживания контактов со странами – участницами «тройки» – Ираном, Россией и Турцией.

27 октября 2018 г. в Анкаре состоялись переговоры с участием президентов Турции, России, Франции и канцлера Германии. Как на малийском, украинском и сирийском направлениях в 2014–2015 гг., в Анкаре Берлин также стремился использовать именно германо-французский тандем (со своим ведущим участием) при запуске новых переговорных процессов. Совместное заявление по итогам встречи имело компромиссный характер. Стороны подтвердили свою твердую приверженность сохранению независимости, единства и территориальной целостности САР, указали на недопустимость осуществления Турцией военных операций на севере Сирии и согласились вести борьбу с ИГ, «Джебхат ан-Нусрой» и другими террористическими группировками вплоть до окончательной их ликвидации. Особое внимание было уделено созданию зон деэскалации в провинции Идлиб на основании двусторонних договоренностей между Россией и Турцией 17 декабря 2017 г. Ни слова не было сказано об «Астанинском процессе», но многократно подчеркивалась важность усилий ООН по сирийскому урегулированию. Полностью отсутствовало упоминание сирийского правительства и «умеренной» оппозиции [*Совместное заявление...*, 2018].

Все это продемонстрировало глубокие разногласия между участниками встречи – германо-французским тандемом, Турцией и Россией – в видении путей урегулирования конфликта. Стараясь не допустить дальнейшего охлаждения в отношениях с партнерами по НАТО (США и Турцией), с Россией и с курдами, в конце 2018 и в 2019 гг. Берлин стал оказывать большую поддержку «умеренной» оппозиции. Так, в 2018 г. ФРГ выде-

лила Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил более 220.5 млн евро; в 2019 г. было запланировано предоставить ей не менее 146 млн евро [Antwort... Drucksache 19/7562, 2019, S. 6].

* * *

На протяжении всего конфликта Германия стремилась действовать достаточно самостоятельно от партнеров по НАТО, прежде всего от США и Турции, последовательно сопротивляясь втягиванию «коллективного» Запада в боевые действия. Эта позиция ФРГ в известной мере предопределила возникновение ряда проблем, которые пришлось решать правительству Меркель. Среди них – миграционный кризис, рост террористической активности, охлаждение в отношениях с Белым домом и Анкарой, а также серьезные имиджевые издержки: встал вопрос о способности ФРГ выступать в качестве глобального миротворца. Главным негативным последствием ограниченности политики ФРГ на сирийском направлении стала заметная утрата доверия граждан страны к своему правительству.

Вместе с тем избранная руководством Германии стратегия позволила избежать больших проблем, причем не только для ФРГ, но и для «коллективного» Запада в целом. Во-первых, военно-воздушная операция стран – участниц НАТО, готовившаяся осенью 2013 г. и направленная против правительства Башара Асада, могла бы привести к утрате сирийским режимом способности сопротивляться стремительно усиливавшимся террористическим организациям. Иными словами, силовая операция НАТО могла спровоцировать превращение Сирии в огромную зону нестабильности. Это отчетливо понимали не только в Москве, но и в Берлине. Во-вторых, полноценное участие ФРГ в деятельности II западной антитеррористической коалиции, особенно на сирийском ТВД, могло бы привести к прямой конфронтации между Западом и Россией на Ближнем Востоке и еще больше дестабилизировало бы обстановку в регионе. Соответственно это ослабило бы и позиции Германии на Ближнем и Среднем Востоке.

На протяжении всего конфликта правительство ФРГ пыталось решить, что ему выгодней: стабилизация внутривосточной обстановки в Сирии с сохранением у власти «старых» элит или победа сил, оппозиционных официальному Дамаску. Однако во втором случае «умеренная» оппозиция не смогла бы сдерживать усиление террористических группировок, способных к перегруппировке и политическому мимикрированию.

В настоящее время в качестве компромиссного решения власти ФРГ рассматривают интеграцию «умеренной» оппозиции во властные структуры (с предоставлением им определенных квот). В этом случае Германия получит возможность участия в восстановлении разрушенных войной промышленных предприятий на всей территории Сирии, что станет гарантией расширения партнерских отношений между двумя странами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Арзаманова Т.В. Позиция Германии во время ливийского кризиса – 2011: новая внешнеполитическая стратегия или предвыборный маневр? *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*. 2011, № 26(42). С. 11–15 [Arzamanova T.V. Germany's position during the Libyan crisis – 2011: New foreign policy strategy or election maneuver? *European security: events, assessments, forecasts*. 2011 No. 26 (42). Pp. 11–15 (in Russian)].

Сапронова М. Сирия, G8 и особая позиция России. *Военно-промышленный курьер*. 2013. № 26 (494). С. 1–3 [Sapronova M. Syria, G8 and Russia's special position. *Voенно-promyshlennyi kur'er*. 2013. № 26 (494). Pp. 1–3 (in Russian)].

Antrag der Bundesregierung. Einsatz bewaffneter deutscher Streitkräfte zur nachhaltigen Bekämpfung des IS-Terrors und zur umfassenden Stabilisierung Iraks. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1093, 07.03.2018.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Ausbildungsmission EUTM Mali. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/437, 05.02.2014.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung des Einsatzes bewaffneter deutscher Streitkräfte im Rahmen der „United Nations Interim Force in Lebanon“ (UNIFIL). Deutscher Bundestag, 16. Wahlperiode. Drucksache 16/6278, 28.08.2007.

Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten U. Jellpke, Dr. A. Hahn, G. Akbulut, weiterer Abgeordneter und der Fraktion DIE LINKE. – Drucksache 19/6817 – Unterstützung der Nationalkoalition syrischer Revolutions- und Oppositionskräfte (ETILAF) durch die Bundesregierung. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/7562, 06.02.2019.

Kleine Anfrage der Abgeordneten F. Pasemann, M. Büttner, A.-P. Hampel, Dr. R. Hartwig, Dr. H. Weyel, J. Rohl, U.T. Hemmelgarn, S. Münzenmaier und der Fraktion der AfD. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/11332, 03.07.2019.

Die Kurden im Irak und in Syrien nach dem Ende der Territorialherrschaft des «Islamischen Staates». Seufert G. (Hrsg.). *SWP-Studie* № 11. Juli 2018.

Entschließungsantrag der Abgeordneten S. Dağdelen, H. Hänsel, Dr. A.S. Neu, M. Brandt, Dr. D. Dehm, M. Höhn, A. Hunko, St. Liebich, Z. Nastic, Th. Nord, T. Pflüger, E.-M. Schreiber, H. Evrim Sommer, A. Ulrich, K. Vogler und der Fraktion DIE LINKE zu der Beratung des Antrags der Bundesregierung – Drucksachen 19/4719, 19/5051 – Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte zur nachhaltigen Bekämpfung des IS-Terrors und zur umfassenden Stabilisierung Iraks. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/5080, 16.10.2018.

Parlamentsbeteiligung beim Abzug der Bundeswehr aus Incirlik. Deutscher Bundestag: Wissenschaftliche Dienste. WD 2 – 3000 – 056/17. Juni 2017.

Rechtsfragen einer etwaigen Beteiligung der Bundeswehr an möglichen Militärschlägen der Alliierten gegen das Assad-Regime in Syrien. Deutscher Bundestag: Wissenschaftliche Dienste. WD 2 – 3000 – 130/18. September 2018.

Rede von Ursula von der Leyen. Plenarprotokoll 18/142. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Stenografischer Bericht 142. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 2. Dezember 2015. S. 13876C–13877A.

Steinberg G. Ahrar ash-Sham: Die «syrischen Taliban». *SWP-Aktuell.* April 2016.

INTERNET SOURCES

«Друзья Сирии» призвали не признавать предстоящие выборы в Сирии [“Friends of Syria” called for not recognizing the upcoming elections in Syria (in Russian)] 15.05.2014. <https://ria.ru/20140515/1007930391.html> (accessed: 01.08.2019).

Комментарий президента РФ В.В. Путина по ситуации с химическим оружием в Сирии, 9 сентября 2013 г. [Commentary by the President of the Russian Federation V.V. Putin on the situation with chemical weapons in Syria, September 9, 2013 (in Russian)] <http://www.kremlin.ru/news/19194> (accessed: 01.08.2019).

Наумкин В.В. Что дадут три новых проекта сирийского урегулирования? 2014 [Naumkin V.V. What will the three new Syrian settlement projects bring? (in Russian)] <https://russiancouncil.ru/analytic-and-comments/comments/chto-dadut-tri-novykh-proekta-siriyskogo-uregulirovaniya/> (accessed: 01.08.2019).

Совместное заявление Президентов Турецкой Республики, Французской Республики, Российской Федерации и Канцлера Федеративной Республики Германия. 27 октября 2018 г. [Joint statement by the Presidents of the Republic of Turkey, the French Republic, the Russian Federation and the Chancellor of the Federal Republic of Germany. October 27, 2018 (in Russian)] <https://kremlin.ru/supplement/5351> (accessed: 01.08.2019).

Gemeinsames Interesse an gute Beziehungen. 28.09.2018. <https://www.bundesregierung.de/bregde/aktuelles/gemeinsames-interesse-an-guten-beziehungen-1532376> (accessed 01.08.2019).

Einsatz der Bundeswehr im Libanon (UNIFIL) (2019). http://www.einsatz.bundeswehr.de/portal/a/einsatzbw/start/aktuelle_einsaetze/libanon/lut/p/z1/hU5PC4IwHP0sHbzutxTTUq2UKIQCi3SXWLmm sTaZs_v4LTofRe_2_vKAQgFUsb4RzDZaMel4SSfHeZztMn_q-8luT_AqDfEmXyTBMo3g8C9AnY1_g GDIKw6l24h-buzHkAMFemU9e6BWGyu5Rez8eghlVQl-VafyVtYAxVSn97XiToFsQBq-IUbbtDdOLm2 tuImHvbwMAXIaC0kR-bu4W-NWncWio8gtLdiwEEo-4yMnu0lCaQ!/?dz/d5/L2dBISEv_Z0FBIS9_nQSEH/#Z7_B8LTL2922DTUA0IE50OSCD3GU1 (accessed 01.08.2019).

Ergebnisse der Bundestagswahlen (2019). <http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.htm> (accessed 01.08.2019).

Kampf gegen IS-Miliz. USA fordern Einsatz deutscher Bodentruppen in Syrien (2019). <https://www.spiegel.de/politik/ausland/usa-fordern-einsatz-deutscher-bodentruppen-in-syrien-a-1276150.html> (accessed 01.08.2019).

In Latest Shift, Trump Agrees to Leave 400 Troops in Syria (2019). <https://www.nytimes.com/2019/02/22/world/middleeast/trump-troops-syria.html> (accessed 01.08.2019).

Der Nahostkonflikt (2018). <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/regionales/chwerpunkte/nahermittlererosten/-/203626> (accessed 01.08.2019).

Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel in der vereinbarten Debatte: *Zur Situation in Deutschland vor dem Deutschen Bundestag am 3. September 2013 in Berlin*. <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2013/09/87-1-bk-bt.html> (accessed 01.08.2019).

Steinmeier trifft in Ankara türkischen Außenminister Çavuşoğlu (2016). <https://www.welt.de/newsticker/news1/article159503695/Steinmeier-trifft-in-Ankara-tuerkischen-Aussenminister-Cavusoglu.html> (accessed 01.08.2019).

Syrien-Diplomatie: Steinmeier trifft Oppositionsführer. 3.11.2016. <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/syrien-node/161103-bm-hijab/284856> (accessed 01.08.2019).

Syria and the use of chemical weapons. House of Lords. Thursday, 29 August 2013. <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201314/ldhansrd/text/130829-0001.htm> (accessed 01.08.2019).

Türkei – AF TUR (Active Fence Turkey). 2016. http://www.einsatz.bundeswehr.de/portal/a/einsatzbw/start/abgeschlossene_einsaetze/aftur!/ut/p/z1/hU5NC4IwGP4tHbzufZmV1m2dpESCgnSXWLpmsTZZy_XzMzwFRc_t-eQBDiVwI_qLEv5ijDAdr_j8uErzFU4XIO43cYwsKxbFNjsiUgqHfwE-2PgDDGHXSKiGjeT3Rgl74MCvohdP0lnmtfRE1O-HULXCNFpubc1GYQ1caXsarzNziIMF3MmzdNKRhxvk1vvuvowwwACUdYqLY17RPit0dq7h_IjCN2tDBjPdJ-zyQuFDI6f/dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL2922TK330AHN9N4H40027 (accessed 01.08.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

МИРЗЕХАНОВ Велихан Салманханович – доктор исторических наук, заместитель директора, заведующий Лабораторией институциональной истории XX века Института всеобщей истории РАН; заведующий Отделом Азии и Африки ИНИОН РАН, Москва, Россия.

ТРУНОВ Филипп Олегович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, старший научный сотрудник Лаборатории институциональной истории XX века Института всеобщей истории РАН, Москва, Россия.

Velikhan S. MIRZEKHANOV, Doctor of Science (History), Deputy Director, Head of Laboratory of Institutional History of the 20th Century, Institute of World History RAS, Head of Department of Asia and Africa, INION RAS, Moscow, Russia.

Philipp O. TRUNOV, PhD (Political Science), Senior Researcher, Department of Europe and America, INION RAS, Senior Researcher, Laboratory of Institutional History of the 20th Century, Institute of World History RAS, Moscow, Russia.